

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XIV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2005 № 287

СОДЕРЖАНИЕ

- 399-404 Степной лунь *Circus macrourus* в тундровой зоне — сдвиг ареала к северу или расширение области гнездования? В. В. МОРОЗОВ, Е. А. БРАГИН
- 404-406 О встрече зимородка *Alcedo atthis* в дельте Тентека зимой 2001/2002 годов. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 406-407 Современный статус чёрного грифа *Aegypius monachus* в Башкирии. А. Ф. МАМАТОВ
- 407-409 О зимовке некоторых видов птиц в нашем kraе (Казань). Н. Д. ГРИГОРЬЕВ
- 409-411 Биология нитехвостой ласточки *Hirundo smithii* на юге Узбекистана. Г. П. ТРЕТЬЯКОВ, О. В. МИТРОПОЛЬСКИЙ, Э. Р. ФОТТЕЛЕР
- 411-417 К биологии и охране перепела *Coturnix coturnix*. А. С. МАЛЬЧЕВСКИЙ
- 418-421 Питание птенцов мухоловки-белошайки *Ficedula albicollis* и мухоловки-пеструшки *F. hypoleuca* в условиях симбиотопии. А. Е. ИВАНОВ
- 421-425 Результаты сравнения корма воробынных птиц в разные по условиям годы. И. В. ПРОКОФЬЕВА
- 425-427 Экспансия зеленушки *Chloris chloris* в Западной Сибири. С. П. МИЛОВИДОВ
- 427-429 Случай помошничества у среднего дятла *Dendrocopos medius*. Г. ПАСИНЕЛЛИ
- 429-431 О редких птицах дельты Селенги. И. И. ТУПИЦЫН, И. В. ФЕФЕЛОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2005
Дата опубликования: 11 апреля 2005

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992
Volume XIV
Express-issue

2005 № 287

CONTENTS

-
- 399-404 The pallid harrier *Circus macrourus* in tundra zone —
is it result of range shifting to north or expansion of breeding
range? V. V. MOROZOV, E. A. BRAGIN
- 404-406 Winter record of the common kingfisher *Alcedo atthis*
in Tentek delta in 2001/2002. N. N. BEREZOVIKOV
- 406-407 Modern status of the monk vulture *Aegypius monachus*
in Bashkiria. A. F. MAMATOV
- 407-409 On wintering of some birds in Kazan region.
N. D. GRIGORIEV
- 409-411 Breeding biology of the wire-tailed swallow *Hirundo smithii*
in south of Uzbekistan. G. P. TRETIAKOV,
O. V. MITROPOLSKY, E. R. FOTTELER
- 411-417 To biology and protection of the common quail
Coturnix coturnix. A. S. MALCHEVSKY
- 418-421 Nestling food of the collared *Ficedula albicollis* and
pied *F. hypoleuca* flycatchers nested in the same biotop.
A. E. IVANOV
- 421-425 Food of passerine birds in different years.
I. V. PROKOFJEVA
- 425-427 The European greenfinch *Chloris chloris* range expansion
in Western Siberia. S. P. MILOVIDOV
- 427-429 Helper at a nest of the middle spotted woodpecker
Dendrocopos medius. G. PASINELLI
- 429-431 On rare birds of Selenga delta.
I. I. TUPITSYN, I. V. FEFEOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S. Petersburg University
S. Petersburg 199034 Russia

Степной лунь *Circus macrourus* в тундровой зоне — сдвиг ареала к северу или расширение области гнездования?

В.В.Морозов¹⁾, Е.А.Брагин²⁾

¹⁾ Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы МПР РФ,
Знаменское-Садки, Москва, 113628, Россия

²⁾ Наурзумский государственный заповедник,
пос. Докучаевка, Наурзумский район, Кустанайская область, 459730, Казахстан

Поступила в редакцию 28 марта 2005

В кратком обзоре фактов появления степного луня *Circus macrourus* в 1990-х годах значительно севернее традиционной зоны его гнездования в Европейской России и на севере Западной Сибири одним из авторов настоящей работы было выдвинуто предположение о вероятном расселении этого вида к северу, при котором отдельные случаи выселения заканчиваются гнездованием (Морозов 1998). В связи с недостатком данных о состоянии вида в районах его традиционного гнездования в степной и лесостепной зонах причины появления луней в тундрах европейской части России и Западной Сибири могли быть истолкованы по-разному.

Во-первых, это могло быть смещением гнездового ареала вида в северном направлении в связи с глобальными климатическими изменениями. Тогда южная граница области гнездования должна также сдвинуться к северу, и степной лунь должен исчезнуть как гнездящийся вид в полупустыне и на севере пустынной зоны. Второе предположение заключается в том, что наблюдаемые факты свидетельствуют в пользу расширения области гнездования степного луня далеко на север, тогда как южная граница ареала остаётся относительно неизменной. И третий возможный сценарий — это очередная инвазия вида в северном направлении, закончившаяся отдельными случаями размножения к северу от области регулярного гнездования, что и ранее периодически отмечалось для этого вида (Cramp, Simmons 1980). Однозначно вопрос мог быть решён только после получения объективных данных о состоянии вида у южных пределов его гнездового ареала.

К счастью, обстоятельства складывались удачно, и в конце 1990-х как в Европейской России, так и в Западной Сибири были организованы широкомасштабные работы Союза охраны птиц России по выявлению территорий, важных для гнездящихся и мигрирующих видов птиц. Работы по проектам “Поиск мест гнездования тонкоклювого кроншнепа” в 1996-1997 гг. в степной зоне юга России и Северного Казахстана и “Ключевые орнитологические территории” в 1998-2002 гг. на Южном Урале и юге Западной Сибири позволили осуществить обследование обширных территорий в названных регионах. Эти районы охватывают значительную часть области гнездования степного луня, северная граница ареала которого в Западной Сибири проводится по северной границе лесостепи (Рябцев 2001).

В результате было установлено, что степной лунь в степной и лесостепной зонах на Южном Урале, юге Западной Сибири и в Северном Казахстане по-прежнему является сравнительно обычным видом и в годы высокой численности его основных кормовых объектов частота встречаемости, численность и плотность гнездования этого хищника весьма высоки (Березовиков, Коваленко 2001; Бойко, Сысоев 2002; Морозов, Корнев 2002а). Так, при высокой численности мышевидных грызунов в 2000 и 2002 годах в лесостепи Челябинской и Курганской областей частота встречаемости степного луня составляла 7-7.5 ос./100 км в мае 2000 г. (Морозов, Корнев 2001), в увлажненных местообитаниях на территории Кустанайской и севера Актюбинской областей в 2002 г. локально плотность его гнездования достигала 2-3 пар/км² (Бойко, Сысоев 2002). В то же время при худшей обеспеченности пищей в 2001 г. в названных районах степной лунь был крайне редок (Морозов, Корнев 2001), хотя на севере степной зоны в Акмолинской области он всё же гнездился и плотность его населения местами достигала 2-3 пар/100 км² (Березовиков, Коваленко 2001).

Кустанайская область находится в центре ареала степного луня и включает почти полный его профиль с севера на юг, охватывая лесостепи, степи, полупустыни (опустыненные степи) и самый север пустынной зоны. Южная граница ареала в области проходит от верховий Улы-Жиланчика на среднее течение Иргиза и далее к верховьям Эмбы (Корелов 1962; Гаврилов 1999). Здесь обследование проводилось в 1997-2004 гг. в рамках работ по оценке состояния популяций редких хищных птиц и проекта WWF по развитию сети охраняемых водно-болотных угодий. Анализ полученных материалов показал, что несмотря на снижение численности луней в последние 40-50 лет и фрагментацию ареала, обусловленную массовой распашкой степей, общие его очертания по существу не изменились (Брагин 1999, 2004).

На севере области (лесостепь, умеренно засушливая и засушливая степь) степные луны наиболее регулярно отмечаются на участках комплексной степи, представленных отдельными пятнами среди распаханных полей, в основном в котловинах озёр в виде солонцовых и солончаковых комплексов. В южных сухих степях распространение этого хищника более равномерное, хотя и здесь он тяготеет к котловинам озёр и долинам небольших степных рек — территориям, имеющим большую мозаичность биотопов. В наибольшей степени комплексные степи сохранились в Тургайской ложбине и в долине р. Убаган, и здесь степные луны встречаются наиболее часто. На крупных массивах пахотных земель они практически отсутствуют. Так, степные луны ни разу не встречены на обширном Тургайском (Терсекско-Адаевском) плато к востоку от меридионального отрезка р. Тобол, в прошлом покрытом зональными типчаково-ковылковыми степями, а ныне практически полностью распаханном, в левобережье Тобола севернее и западнее Кустаная (Карабалыкский и Федоровский районы), а также в районе островных боров Аманкарагай и Казанбасы.

Характер распространения и численность степных луней год от года менялись. В малокормные 1998, 1999 и 2001 годы они держались почти исключительно по котловинам озёр и руслам небольших пересыхающих степных рек южных сухих степей. В Наурзумском районе частота встречаемости в период гнездования в эти годы колебалась от 1.3 до 4.2 ос./100 км, хотя

плотность гнездования в некоторых районах межозерий в Наурзуме достигала 21.4 пары/100 км². Такой же характер размещения наблюдался в 2002 г. Частота встречаемости изменялась от 1 ос./100 км в песчаноковыльных степях Сыпсынагашской ложбины и 1.1 ос./100 км в “озёрной” степи Узункольского (Ленинского) района до 3.6 и 9.2 ос./100 км в долине Убагана и Тургайской ложбине (Наурзум). На участке в нижнем течении реки Dana-Bike и озера Байтума было найдено 13 гнёзд и выявлено ещё 2 гнездовых участка с плотностью примерно 9.4 пары /100 км². Из этого числа 8 располагались в русле реки — примерно 3 гнезда на 10 км, но в середине мая здесь было зарегистрировано 16 пар (6 на 10 км), причём у некоторых обнаружены гнездовые платформы, которые позже оказались брошенными. С другой стороны, в 2003 г. при общей низкой численности луней оптимум обитания сместился на север степной зоны: в Наурзуме частота встречаемости достигала 1.2 ос./100 км, в долине среднего течения Убагана — 1.8, а в колковой степи междуречья рек Тобол и Убаган (Боровской р-н) — 4.4. На юге степной зоны и севере полупустынь высокая встречаемость отмечена только вдоль границы с Актюбинской областью от пос. Тургай до Бестау (в основном в междуречье Улькаяка и Кобырги) — до 15 ос./100 км.

Оптимальным для размножения степных луней был, вероятно, 2000 год, их гнездовая плотность в районе озёр Жаман и Камышовое в Узункольском районе определена в 13.3 пар/100 км² общих угодий; в долине нижнего течения р. Убаган — 10, в песчаноковыльных степях Сыпсынагашской ложбины — 6 пар/100 км². Они были достаточно обычны даже на массивах залежей близ Терсекского бора и севернее оз. Байтума в Семиозёрном и Наурзумском районах. Наибольшая гнездовая плотность отмечена в районе нижнего течения р. Dana-Bike — около 25 пар/100 км². По очень грубым оценкам, общая численность степных луней на территории области в этот год могла составлять 1500-2000 пар (Брагин 2004). Таким образом, характер распространения степных луней в степной зоне Кустанайской области в настоящее время определяется, с одной стороны, степенью и характером трансформации ландшафтов и, с другой стороны, состоянием кормовых ресурсов.

В конце мая-начале июня 2004 г. удалось обследовать некоторые районы на южной границе ареала степного луня — в зоне полупустынь и северных пустынь. Здесь эти птицы тяготеют к озёрным котловинам и речным долинам с влаголюбивой растительностью. В междуречье Тургая и Улы-Жиланчика на 100-км маршруте (пос. Шубалан—пос. Збан), пролегавшем в основном по чернополынникам и кокпечникам, отмечен лишь один самец на краю обширной котловины Шоптыколь (здесь же пара луней была отмечена и 18 июля 2003). Но в пойме р. Улы-Жиланчик степные луны были достаточно обычны, частота встречаемости составляла 13.8, а на Челкар-Нуринском плато — 4.3 пары/100 км; луны встречались почти у каждой низины со злаковой растительностью.

Большой интерес представляют появляющиеся сообщения о случаях гнездования степных луней далеко от южной границы ареала, в средних пустынях. Ранее южнее Улы-Жиланчика оно было известно только для поймы Сыр-Дары и восточного побережья Аральского моря (Корелов 1962; Гаврилов 1999). Однако в 1999 г. на основании встречи территориального

самца в Жусандале появилось предположение о гнездовании степного луня в южном Прибалхашье (Березовиков и др. 1999). В 2003 г. здесь найдено два выводка, а луны отмечены уже как достаточно обычные птицы (Белялов 2004), хотя при этом особо подчёркивалась необычайно высокая численность мышевидных грызунов и развитие высокой растительности в связи с аномально влажными годами.

Вместе с тем, к северу от традиционной области гнездования степные луны в благоприятные по кормовым условиям годы стали весьма регулярно встречаться не только на севере лесостепи, но и на юге лесной зоны. Весной 2002 г. мы отмечали их в лесостепной зоне в большинстве посещённых мест Курганской, Тюменской и Омской областей; наиболее северные встречи зарегистрированы 12 мая на территории Омской области в 25 км южнее г. Тары у села Любимово и несколько южнее села Кабырдак в Тюкалинском районе (Морозов, Корнев 2002б). В 2003 г. этот лунь был обычен в северной лесостепи в Мокроусовском и Частоозерском районах Курганской области (Тарасов и др. 2003). В период с 1982 по 2003 г. степных луней регулярно отмечали на весеннем пролёте в окрестностях Новосибирска, причём более 40% птиц летело в северном и северо-восточном направлениях (Жуков 2003). Это говорит о том, что места гнездования вида могли располагаться в значительно более северных регионах, чем полагали ранее.

В ходе фаунистического обследования ранее труднодоступных и слабо изученных районов северной тайги Западно-Сибирской низменности степной лунь был обнаружен на верховых болотах этой природной зоны, причём в качестве относительно обычного вида, в двух пунктах наблюдали самцов и самок, а в третьем ($62^{\circ}13'$ с.ш., $78^{\circ}08'$ в.д.) нашли гнездо с кладкой (Рябицев и др. 2004). И в то же время случаи появления степных луней стали носить более регулярный характер в зоне тундры, а в некоторых тундровых районах данный вид начали отмечать ежегодно, при этом степные луны стали гнездиться в тундрах также регулярней. Например, по нашим наблюдениям в южных тундрах на Полярном Урале и в окрестностях Воркуты, степные луны вероятно гнездились там в 2001 г., а в 2002 г. размножение этого вида достоверно доказано в предгорьях Полярного Урала (Морозов 2002). В 2004 г. в районе стационарных работ близ пос. Советский (15 км восточнее Воркуты) в период с 30 мая по 5 июня на площади около 10 km^2 держались 2 самца степного луня, которые активно токовали, преследовали пролетавших серых ворон *Corvus cornix* и воронов *C. corax* и охраняли свои территории от вторжения двух самцов полевых луней *Circus cyaneus*, живших на этом же участке. Тем не менее степные луны покинули данную территорию, вероятно, из-за отсутствия самок. Позднее одинокий охотившийся самец отмечен лишь один раз, 11 июня. Однако отдельные пары степных луней всё же загнездились в 2004 году: беспокоившаяся возле выводка пара отмечена 18 и 25 июля на одном и том же участке в пойме ручья Сиратывис у подножья хребта Енганэ-Пэ.

Кроме перечисленных фактов следует отметить, что в смежных районах тундровой зоны встречи степных луней зарегистрированы другими исследователями. Например, одиночного самца степного луня 28 июня 2002 видели М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2002) в горах Полярного Урала, в верховьях одного из притоков р. Пайпудыны, а 21 июня 2004 охотившегося

самца наблюдали в пойме р. Юрибей на юге Ямала в точке с координатами 68°47' с.ш., 71°22' в.д. (Головатин и др. 2004).

Таким образом, вся совокупность имевшихся к настоящему времени фактов однозначно свидетельствовала о широкомасштабном продвижении степного луня в северном направлении и освоении этим видом новых территорий. Эти луны начали гнездиться в кустарниковых тундрах и на верховых болотах таёжной зоны, весьма отличающихся от их исконных гнездовых местообитаний в лесостепи и степи. Вместе с тем степные луны продолжают гнездиться на всём протяжении традиционного ареала от лесостепи до северных пустынь, причём в кормные годы во многих районах они достаточно обычны. Более того, отмечено гнездование в средних пустынях на юге Казахстана — регионе, где ранее оно не было известно. Последнее, скорее всего, обусловлено аномально влажными годами в конце XX - начале XXI веков и носит временный характер. Но в любом случае говорить о смещении южной границы ареала степного луня к северу пока нет никаких оснований. Таким образом, все современные факты свидетельствуют о расширении области гнездования степного луня в северном направлении и освоении им новых территорий в совершенно иных зональных условиях.

Литература

- Белялов О.В. 2004. О гнездовании степного луня в Алматинской области // *Казах. орнитол. бюл.* 2003. Алматы: 165.
- Березовиков Н.Н., Губин Б.М., Гуль И.Р., Ерохов С.Н., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В. 1999. *Птицы пустыни Таукумы*. Киев: 1-116.
- Березовиков Н.Н., Коваленко А.В. 2001. Птицы степных и сельскохозяйственных ландшафтов окрестностей поселка Шортанды (Северный Казахстан) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 20-40.
- Бойко Г.В., Сысоев В.А. 2002. К фауне птиц северо-западного Казахстана и прилегающих территорий России // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 58-61.
- Брагин Е.А. 1999. Изменения фауны и численности хищных птиц Кустанайской области (Северный Казахстан) // *Selevinia* 1998/1999: 99-105.
- Брагин Е.А. 2004. Особенности распространения, численности и некоторые черты экологии степного луня (*Circus macrourus*) в Кустанайской области // *Selevinia* 2003: 145-149.
- Гаврилов Э.И. 1999. *Фауна и распространение птиц Казахстана*. Алматы: 1-198.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2002. Заметки об орнитофауне северной части Полярного Урала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 93-99.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П., Соколов В.А. 2004. Сведения о фауне птиц реки Юрибей (Ямал) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 80-85.
- Жуков В.С. 2003. Материалы по редким птицам Новосибирской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 92-101.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд Хищные птицы // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 488-707.
- Морозов В.В. 1998. Степной лунь *Circus macrourus* на юге Ямала // *Рус. орнитол. журн.* 7 (47): 3-5.
- Морозов В.В. 2002. Новые фаунистические находки на востоке Большеземельской тундры и Полярном Урале // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 158-160.

- Морозов В.В., Корнев С.В. 2001. К фауне птиц юга Западной Сибири // *Рус. орнитол. журн.* **10** (169): 1043-1057.
- Морозов В.В., Корнев С.В. 2002а. Материалы по фауне птиц лесостепной части долины реки Тобол // *Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России*. Вып. 4 / Отв. ред. С.А. Букреев. М.: 108-133.
- Морозов В.В., Корнев С.В. 2002б. Дополнения к орнитофауне юга Западной Сибири // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 164-169.
- Рябицев В.К. 2001. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-608.
- Рябицев В.К., Сесин А.В., Емцев А.А. 2004. К фауне птиц Сибирских увалов // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 124–145.
- Тарасов В.В., Рябицев В.К., Примак И.В., Поляков В.Е., Сесин А.В., Жуков А.А., Бологов И.О. 2003. Орнитофауна северо-восточных районов Курганской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 193-213.
- Cramp S., Simmons K.E.L. (eds.). 1980. *The Birds of the Western Palearctic. Vol. 2*. Oxford; London; New-York, Oxford Univ. Press: 1-695.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 404-406

О встрече зимородка *Alcedo atthis* в дельте Тентека зимой 2001/2002 годов

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 480060, Казахстан

Поступила в редакцию 16 марта 2005

Случаи зимовки зимородка *Alcedo atthis* в Казахстане до сих пор не регистрировались, хотя известны его зимние встречи в южных частях соседнего Узбекистана (Сагитов 1990). По многолетним наблюдениям на Ала-Коль-Сасыккольской системе озёр (Юго-Восточный Казахстан), осенние миграции зимородков завершаются в октябре, однако в годы с затяжной тёплой осенью одиночки иногда задерживаются до 10 ноября (Березовиков и др. 2004).

Впервые случай зимовки зимородка наблюдался в 2002 году. В западной части дельты Тентека, на открытой протоке между озёрами Байбала и Ка-рамойын ($46^{\circ}27'$ с.ш., $80^{\circ}57'$ в.д.), текущей среди густых и высоких заломов тростника, 6 февраля отмечен охотящийся зимородок. В тот день стояла тёплая солнечная погода и на поверхности воды наблюдались активные жуки-вертлячки! Другая встреча с этой птицей произошла 17 февраля в противоположной, восточной части дельты в уроцище Тогызтубек ($46^{\circ}25'$ с.ш.,

81°08' в.д.). Зимородок держался среди сплошных тростниковых массивов на вскрывшейся протоке, выходящей к озеру Сасыкколь. В январе здесь зимородка не видели.

С чем связана была задержка зимородков на зиму и каким образом они пережили морозный период в декабре и январе, остаётся неясным. Не исключено, что в это время они держались в нижнем течении Тентека, где в густом пойменном лесу западнее Ушарала даже в сильные холода остаются незамерзающими родниковые разливы, на которых регулярно зимуют околоводные птицы (Березовиков и др. 2004). Одной из причин задержки зимородков на зиму, по всей видимости, были особенности этой зимы. После череды суровых многоснежных зим последнего десятилетия зимний сезон 2001/2002 в Алакольской котловине выделялся необычно ранним наступлением оттепелей уже в первых числах февраля, что значительно повлияло на аномально ранние фенологические явления этого года. Если в 1984-2001 годах фенологический период “начальной зимы” продолжался в среднем с 4 декабря по 4 января (32 сут), то в зиму 2001/2002 он наступил сравнительно рано, 28 ноября, и затянулся до 15 января (49 сут). Устойчивый снежный покров образовался 27 ноября, 2 декабря его мощность составляла 10 см, однако после январских оттепелей и дождей к 15 января глубина снежного покрова уменьшилась до 7 см. Начало ледостава на озёрах дельты Тентека отмечено с 28 ноября. Река Тентек полностью покрылась льдом 30 ноября, хотя кое-где на протоках в тростниковых заломах дельты оставались “пропарины” — небольшие полыньи. Уже с первых дней зимы минимальные температуры воздуха опускалась до минус 22-24°, а 10 декабря наблюдался годовой минимум температуры — минус 32.9°C. Низкие суточные температуры, характерные для глубокой зимы, держались всю первую половину периода. Суточные и экстремальные температуры начальной зимы оказались на 2-2.3° ниже нормы. Со второй половины декабря стали часто отмечаться дневные оттепели, которые в целом составили около 22% периода, что соответствует многолетней норме. Осадки выпадали в течение всего периода как в виде снега (68% случаев), так и дождя (32%). Дожди преобладали во второй половине начальной зимы. Особенно продолжительный дождь наблюдался в новогоднюю ночь и 1 января 2002. Период “глубокой зимы” продолжался с 16 по 31 января (16 сут), тогда как в 1984-2001 годах он длился в среднем с 5 января по 8 февраля (35 сут). Аномально холодное начало зимнего сезона сменилось обычным для этого периода температурным режимом, а суточные и минимальные температуры были даже выше нормы ($\Phi/A +0.9^\circ$). Дневные температуры воздуха оказались несколько ниже нормы ($\Phi/A -0.6^\circ$), а дневных оттепелей не наблюдалось. Преобладали ветры восточных (88% случаев) и западных (12%) румбов. Заключительный фенологический период зимы — “предвесене” — в 2002 году наступил необычайно рано, с 1 февраля, и длился по 25 февраля (25 сут), тогда как в 1984-2001 годах этот этап продолжался в среднем с 9 февраля по 11 марта (31 сут). Предвесене оказалось ранним по срокам, очень тёплым (на 2-3.6° теплее нормы). Оттепели наблюдались в течение всего периода и составили 48% предвесенья. Самый тёплый день зимы отмечен 17 февраля, когда температура воздуха поднималась до +10.1°C. Снежный

покров к 17 февраля сошёл в степи на 50% поверхности почвы, а нижнее течение реки Тентек в этот же день полностью вскрылось. На протоках дельты Тентека во многих местах образовались полыни. В последний период зимы выпало 67% осадков от нормы (33%, при норме 27%). Уже 14 февраля на пригревах отмечено появление первых мух, 15 февраля из одной норы на поверхность выбрался барсук *Meles meles* (на месяц ранее обычных сроков!). Прилёт первых галок *Corvus monedula* отмечен 15 февраля, скворцов *Sturnus vulgaris* — 16 февраля, шилохвостей *Anas acuta* — 27 февраля, грачей *Corvus frugilegus* — 28 февраля.

В последующие три года случаев зимовок зимородков на Алаколь-Сасыккольской системе озёр больше не отмечалось.

Литература

- Березовиков Н.Н., Грачёв В.А., Анисимов Е.И., Левинский Ю.П. 2004. Зимняя фауна птиц Алакольской котловины // *Тр. Ин-та зоол. Орнитология*. Алматы, 48: 126-150.
Корелов М.Н. 1970. Род Зимородок — *Alcedo* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 70-76.
Сагитов А.К. 1990. Семейство Зимородковые — *Alcedidae* // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 2: 267-270.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 406-407

Современный статус чёрного грифа *Aegypius monachus* в Башкирии

А.Ф.Маматов

Кафедра зоологии, биологический факультет, Башкирский государственный университет,
ул. Фрунзе, д. 32, Уфа, Республика Башкортостан, 450074, Россия.
32.rambler@mamatovA.F.ogar37.ru

Поступила в редакцию 29 марта 2005

Самое раннее упоминание о чёрном грифе *Aegypius monachus* с территории современной Республики Башкортостан относится к началу XX века. Тогда А.Н.Карамзин (1901) писал, что грифы регулярно залетают в южные районы бывшего Белебеевского уезда ($54^{\circ}00'$ с.ш., $54^{\circ}30'$ в.д.). Эти миграции были связаны с массовым падежом скота в то время.

Спустя полстолетия С.В.Кириков (1952) сообщал о почти ежегодных залётах чёрного грифа на южную оконечность отрогов Уральских гор и в соседнюю нагорную лесостепь и предполагал возможность редкого гнездования в ней. Молодого живого грифа, вынутого из гнезда около села Чеботарёвка, автор видел 9 июня 1932 в пос. Кувалдык ($52^{\circ} 40'$ с.ш., $58^{\circ}00'$ в.д.).

Наконец, К.С.Никифорук (1949) сообщал о своих наблюдениях этого хищника в Хайбуллинском районе Башкирии ($58^{\circ}30'$ с.ш., $58^{\circ}30'$ в.д.). С тех

пор на протяжении более 50 лет каких-либо сведений об этой птице не поступало. 12 июля 2003 мы наблюдали одиночного чёрного грифа на трупе павшего жеребёнка в Баймакском районе Башкирии (Зауралье) между деревнями Басаево и Кусеево ($52^{\circ}50'$ с.ш., $58^{\circ}20'$ в.д.). Птица, судя по деталям окраски (белая восковица, белое пятно на шее), была молодой. Мёртвый жеребёнок лежал в 25 м от автомобильной дороги, а на нём сидел гриф и расклёвывал мясо из плечевой части жертвы. Как только наш автомобиль остановился, хищник насторожился. При попытке приблизиться к нему, обходя птицу сзади, гриф сразу взлетел и, отлетев на 50-70 м, опустился на землю. Он, видимо, сел в понижение почвы, т.к. сразу исчез из виду. Получасовое ожидание в надежде, что птица вернётся, положительного результата не дало.

Следует отметить, что большинство случаев встреч с чёрными грифами происходит в зауральской части республики и только один раз его видели в Предуралье. Таким образом, в настоящее время чёрного грифа в Башкирии можно считать крайне редким, эпизодически залётным видом.

Литература

- Карамзин А.Н. 1901. Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов, Самарской губернии и Белебейского уезда, Уфимской губ. // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. 5: 203-394.
Кириков С.В. 1952. *Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала*. М.: 1-412.
Никифорук К.С. 1949. *Животный мир Башкирии*. Уфа: 1-260.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 407-409

О зимовке некоторых видов птиц в нашем kraе (Казань)

Н.Д.Григорьев

*Второе издание. Первая публикация в 1929**

Начиная с зимы 1924-1925 гг. в течение ряда лет в фруктовых садах города Казани (по ул. 3-ей горе) велись наблюдения за птицами. Наблюдения относятся главным образом к зимнему периоду, когда в одном из садов производилась регулярная подкормка и ловля птиц с целью их кольцевания. Ближайшим помощником и соучастником моих наблюдений в этом районе был юннат Н.Рябов. Привлекая птиц обилием довольно разнообразного корма, эти сады представляют собою хорошую "станцию" для временных (часто продолжительных) остановок для многих видов мелких птиц во время весеннего и осеннего пролёта. Поэтому немало фенологических дат для

* Григорьев Н.Д. 1929. О зимовке некоторых видов птиц в нашем kraе // *Tr. Студенч. науч. кружка "Любители природы" в г. Казани* 3: 145-146.

Казани (прилёт и отлёт птиц), а также ряд интересных констатирований своим происхождением обязаны наблюдениям в этом районе.

Приведённые наблюдения касаются зимовки некоторых видов птиц, данные о которых, благодаря их новизне, представляют интерес. Кроме того, здесь указываются некоторые виды, единичные случаи зимовки которых наблюдаются ежегодно, но это явление не носит характера массового явления, что имеет место в отмечаемых случаях. Эти наблюдения касаются главным образом аномально тёплой зимы 1924/1925 годов, характеризующейся поздним выпадением снега, сравнительно высокой температурой в течение большей своей части. В 1924 г. к тому же был большой урожай ягод, в частности рябины и калины.

Coccothraustes coccothraustes L. Дубонос наблюдался с 14 по 21 декабря 1924 проводящим почти целые дни на рябине за обшипыванием ягод или неподалёку от неё. В его присутствии поблизости каждый раз удавалось убеждаться, проходя мимо рябины и вспугивая его. Наблюдения пришлось прервать, т.к. дубонос был растерзан ястребом-тетеревятником *Accipiter gentilis*, о чём свидетельствовали найденные неподалёку перья этой птицы и ранее наблюдавшиеся попытки этого хищника взять дубоноса. Кроме этого дубоноса, имелись сведения о пребывании ещё двух экземпляров в одном из соседних садов. Более ранних сведений о зимовке этого вида в Казани совершенно нет. По расспросам большого числа птицеловов, среди которых есть давно занимающиеся ловлей птиц, выяснилось, что случай зимовки в этом году дубоноса первый на их памяти. В зиму с 1928 на 1929 г. мы имеем случай массовой зимовки этого вида в крае. Добыто несколько экземпляров из различных мест и в разное время зимы в окрестностях Казани, где они держались стайками численностью от 5-10 шт.

А.К.Булич (г. Чистополь) любезно сообщил, что в окрестностях Чистополя нынешней зимой (1928/1929) наблюдалась массовая зимовка дубоносов, также впервые за длинный ряд его там наблюдений. Шесть пойманых дубоносов доставлены А.К.Буличем в Казанский зоологический сад. Имеется и ещё ряд сведений из других мест края о зимовке дубоноса в этом году (Елабуга, Вотобласть, бассейн р. Валы).

Fringilla montifringilla L. О зимовке сарки литературных данных по нашему краю ранее не было. По сведениям от птицеловов, изредка на зиму остаются. В зиму 1924/1925 гг. наблюдались часто. Держатся стайками численностью от 5 до 15 шт. Несколько экземпляров было поймано. Зимующие особи представлены, как будто-бы, одними самцами.

Fringilla coelebs L. и *Turdus pilaris* L. Единичные зимующие зяблики, а также дрозды-рябинники небольшими стайками под Казанью наблюдаются ежегодно, но в зиму 1924/1925 гг. обращает на себя внимание их большая численность. Зяблики наблюдались стайками в 3-5 шт., в течение зимы несколько случаев поимки. В указанном районе всё время держалась стайка в 7 шт., представленная исключительно самцами. По сведениям птицеловов, зимой, за очень редкими исключениями, попадаются только самцы. Дрозды-рябинники прямо поражают численностью своих стай, налетающих на рябину и доходящих до 50-100 особей. Зимовку рябинников в большом количестве отмечает А.К.Булич для Чистополя в зиму 1928/1929 гг.

Erithacus rubecula L. В течение зимы 1924/1925 гг. зорянка наблюдалась примерно в той же численности, что и осенью во время пролёта, когда зимующие одиночные особи самцов держались почти в каждом саду Казани. С самой осени велись регулярные наблюдения над одним зимующим экземпляром в Казанском ботаническом саду, который днём находился чаще всего в кучах хвороста, а на ночь залетал в одну из разрушенных оранжерей, проникая туда через разбитое стекло. В конце декабря он погиб, вероятно, от последовавшей резкой перемены температуры. Несколько дней спустя в одном из фруктовых садов также был найден один мёртвый самец зорянки.

Кроме этой зорянки, в то же время в Ботаническом саду наблюдался крапивник *Anorthura troglodytes* (L.). Это является небезынтересным в том отношении, что каких-либо наблюдений, касающихся этого вида, гнездование которого в нашем крае отмечено несколько позднее, ранее не имелось. Один поющий экземпляр этого вида наблюдался в течение нескольких дней зимой 1926/1927 гг. (январь) в районе фруктовых садов.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 409-411

Биология нитехвостой ласточки *Hirundo smithii* на юге Узбекистана

Г.П.Третьяков, О.В.Митропольский, Э.Р.Фоттелер

Второе издание. Первая публикация в 1981*

Ареал нитехвостой ласточки *Hirundo smithii* Leach 1818 в Узбекистане охватывает долины рек Шерабаддари и Сурхандарри, а также среднее течение Урудары близ Гузара (ныне Пачкамарское водохранилище) (Мекленбурцев 1954, 1958; Иванов 1969; Салихбаев, Остапенко 1969). Мы встречали её на Урударье гораздо выше известных находлений, вплоть до посёлков Аккишлак (1700 м н.у.м.) и Дуканхона (1900 м), но это, видимо, залётные экземпляры, гнездящиеся в каньонах реки на высотах около 1000 м н.у.м.

Материалы по биологии нитехвостой ласточки собирали в окрестностях г. Шерабада в июне и июле 1979. Гнёзда находили на обрывистых берегах и скалах вдоль русла реки, а также на некотором отдалении от неё, вдоль арыков и каналов. Наиболее заселены этим видом на реке Шерабад ниши и карнизы, вымытые течением в основании скал или песчаниковых обрывов. Они служат птицам укрытием и защищают от дождя. Сильное течение под гнездом делает его труднодоступным для наземных хищников, а также для осмотра орнитологами. Кроме того, они строят гнёзда на опорах мостов,

* Третьяков Г.П., Митропольский О.В., Фоттелер Э.Р. 1981. О биологии нитехвостой ласточки //Узб. биол. журн. 4: 50-51.

в железобетонных трубах под дорогами. Расположены они на различной высоте от уровня воды, в основном — в 50-100 см; в одном случае высота расположения гнезда достигала 1.5 м. Минимальное расстояние между соседними гнёздами около 50 см, обычно оно определяется наличием удобного места для постройки гнезда.

Гнездо нитехвостой ласточки напоминает постройку касатки *Hirundo rustica*. В стенки гнезда вмазываются сухие травинки, корешки, соломинки. Лоток птицы начинают выстилать ещё до завершения строительства. Так, в строящемся гнезде, найденном 17 июня 1979, уже была выстилка. Кроме растительных фрагментов (корешки, сухие травинки, луб), основу выстилки составляют перья, клочки пуха, шерсти, ваты. Повторное гнездование в одном и том же гнезде, по-видимому, исключено, так как птенцы сильно загрязняют его его экскрементами, отчего лоток становится неглубоким, а гнездо тяжёлым. В четырёх случаях рядом с гнездом, оставленным птенцами, мы обнаружили строящиеся.

Яйца по окраске схожи с яйцами касатки. По белому фону идёт интенсивный пятнистый рисунок, состоящий из поверхностных красно-коричневых пятен и глубоких серо-лиловых. Рисунок сгущается к тупому концу и образует вокруг него иногда нечёткий венчик или “шапочку”. Средние размеры яйца ($n = 34$), мм: 18.48×13.02, максимальные — 20.2×13.0 и 18.8×14.3, минимальные — 17.0×12.4. В подстилке гнезда, птенцы из которого уже вылетели, найдено безжелтковое яйцо-“карлик” 14.6×11.5 мм.

Судя по литературным данным и нашим наблюдениям, для нитехвостой ласточки характерны две кладки в году. Первая начинается, очевидно, в середине мая или ещё раньше, так как во второй декаде июня мы обнаруживали гнёзда, из которых птенцы уже вылетели. Р.Н.Мекленбурцев (1958) уже 8 июня 1955 встретил в окрестностях г. Гузара выводок ещё не вполне уверенно летавших молодых. Вторая кладка начинается во второй половине июня и продолжается до середины июля. Наиболее позднее гнездо, найденное О.В.Митропольским в окрестностях г. Шерабада 2 августа 1970, было с 3 птенцами 6-7-сут возраста. В Таджикистане гнёзда нитехвостой ласточки находили и в более поздние сроки (Иванов 1969).

Гнёзда, осмотренные нами, содержали в основном вторые кладки и выводки. В двух обнаруженных с 17 по 20 июня гнёздах находились яйца, в двух птенцы, четыре находились на разных стадиях строительства. Из 17 гнёзд, осмотренных 7 и 8 июля, 1 было с начатой кладкой, 8 — с полными кладками разной степени насиженности. В остальных гнёздах были птенцы, причём в 2 случаях уже лётные. С.А.Алексеев в Чайли-Камаре нашёл гнездо с 3 свежими яйцами 7 июля (Зарудный 1912), Р.Н.Мекленбурцев (1958) — с 3 свежими яйцами 12 июля в окрестностях Гузара.

Последняя кладка была передана в коллекцию Е.П.Спангенберга, в каталоге которой^{*} произошла путаница с этикеточными данными. Вместо “12.VII.1935. Окр. г. Гузара” напечатано “10.VII.1935. Окр. г. Бухары, Чузар”, что смещает наиболее северо-западную точку гнездования на 250 км в этом же направлении.

* Опубликован в выпуске №31 Трудов Биологического института “Фауна и систематика позвоночных Сибири”, Новосибирск, 1977.

Нитехвостая ласточка откладывает 3 или 4 яйца. Средняя величина кладки 3.37 яйца (в 10 гнёздах — по 3, в 6 — по 4 яйца). Отход яиц в гнёздах нитехвостой ласточки большой. В 9 из 22 находившихся под наблюдением гнёзд было 9 неоплодотворённых яиц, 2 яйца с погибшими эмбрионами и 1 безжелтковое карликовое яйцо, что составило 16.2% от общего числа отложенных яиц. Гибель гнёзд в связи с их труднодоступностью невелика.

Литература

- Зарудный Н.А. 1912. Заметки по орнитологии Туркестана // *Орнитол. вестн.* 1: 16-30.
Иванов А.И. 1969. *Птицы Памиро-Алая*. Л.: 1-448.
Мекленбурцев Р.Н. 1954. Семейство ласточки // *Птицы Советского Союза*. М., 6.
Мекленбурцев Р.Н. 1958. Материалы по наземным позвоночным бассейна реки Кашка-дарья: Материалы Кашка-дарьинской экспедиции биологического факультета Среднеазиатского государственного университета им. В.И.Ленина // *Tr. Среднеаз. ун-та*. Нов. сер. 130: 1-141.
Салихбаев Х.С., Остапенко М.М. 1964. Птицы // *Экология и хозяйственное значение позвоночных животных юга Узбекистана (бассейн Сурхандарьи)*. Ташкент: 72-114.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 411-417

К биологии и охране перепела *Coturnix coturnix*

А.С. Мальчевский

Второе издание. Первая публикация в 1961*

Несмотря на свой малый размер, перепел *Coturnix coturnix* с давних пор принадлежит к числу объектов спортивной охоты. В Крыму и на Кавказе во время осеннего перелёта он служит даже предметом промысла. Во многих районах центральных и южных областей РСФСР и на Украине, в связи с резким сокращением местной гнездовой утки, пролётного вальдшнепа *Scopolax rusticola*, а также запрещённой к отстрелу серой куропатки *Perdix perdix*, перепел, наряду с коростелём *Crex crex* и бекасом *Galinago gallinago*, становится основным видом пернатой дичи. В последнее время, однако, приходится с сожалением констатировать весьма заметное снижение численности и этого мелкого объекта охоты почти по всей области его гнездового ареала.

Одной из основных причин, вызывающих уменьшение количества перепелов на местах их размножения, следует признать ежегодное и массовое истребление этого вида с промысловыми целями на путях осеннего перелёта как в Советском Союзе, так и за границей. На территории СССР такими местами, как известно, являются Крымское и Кавказское побережье Чёрного моря, где перепела концентрируются в больших количествах. Здесь

* Мальчевский А.С. 1961. К биологии и охране перепела (*Coturnix coturnix* L.) // *Вестн. Ленингр. ун-та* 15: 148-152.

издавна ведётся очень интенсивный промысел этого вида. Добываемое количество птиц учесть невозможно, поскольку перепела поступают на внутренний рынок или идут на собственные нужды охотников. Одно можно сказать, что размеры промысла недопустимо высоки, на что много раз указывалось в литературе. Сравнительно ещё недавно в районе Ялты, например, добывали до 100 перепелов за охоту. По сведениям, полученным нами от Г.И.Бернацкого, количество перепелов, добывавшихся одним охотником за осень в окрестностях Сухуми в начале 1950-х гг., доходило до 2000 штук. Не удивительно поэтому, что охота на перепела в Грузии становится всё менее добычливой. Однако здесь, так же как и в других районах Черноморского побережья, до сих пор продолжают промышлять перепела всеми возможными способами, без каких бы то ни было ограничений, что очень серьёзно отражается на благосостоянии вида в целом. Это является лишь одной из причин неуклонного снижения численности перепела в гнездовой области. Существуют и другие причины, тоже весьма серьёзные.

О возможной массовой гибели перепелов в непогоду при перелётах или на зимовках сейчас говорить не приходится, ибо этими причинами, обусловливающими, в основном, годовые изменения численности птиц, в данном случае нельзя объяснять закономерное снижение количества перепелов, наблюдающееся в течение последних десятилетий. То же можно сказать и относительно деятельности хищников, численность которых в гнездовой области перепела за последнее время не возросла, скорее наоборот, снизилась; тем не менее перепелов раньше было больше. Гораздо существеннее то, что цикл размножения перепела в очень многих районах его гнездового ареала протекает явно ненормально. Имеется прежде всего в виду чрезвычайно большой отход перепелов на местах гнездования во время сенокоса.

Дело в том, что весной и летом, во время токования, гнездования и выведения маленьких птенцов, перепел — птица скорее луговая, нежели полевая, — предпочитает держаться в густой траве, среди которой находит более богатый корм и надёжное убежище от врагов. В связи с этим его излюбленными стациями в этот период в лесостепной полосе являются луга речных пойм, посевы многолетних кормовых трав (особенно среди полезащитных лесных полос), а также степные балки, заросшие разнотравьем. В хлебах, главным образом в озимых, в период размножения перепел тоже держится, но в меньшем количестве. Предпочтение, которое перепела отдают в весенне время травам, бросается в глаза, если сравнивать количество перепелов, живущих, с одной стороны, в люцерне или клевере, и с другой — в пшенице, на соответствующих участках, примыкающих один к другому. В Белгородской области автор неоднократно проводил такие сравнения, подманивая самцов на дудочку, при помощи которой подражают голосу самки. Несмотря на то, что перепел, услышавший манок, делает иногда довольно значительный перелёт, результаты учётов, если они проводились до начала сенокошения, оставались примерно следующими: на полях люцерны, клевера или гороха в хорошую зорю удавалось сбить вокруг себя 10-12, в то время как на полях пшеницы — всего 2-5 токующих самцов. Концентрация перепелов в густом высоком разнотравье была совершенно отчётливо заметна также в целинной луговой степи Стрелецкого участка Центрально-чернозёмного заповедника во время нашего посещения его летом 1957 г.

То, что перепела в гнездовой период держатся больше всего в сенокосных угодьях, и обуславливает в конечном счёте слабый успех их репродуктивного цикла. Объясняется это тем, что время сенокоса (вторая половина июня) совпадает с периодом насиживания кладки или вождения нелётных птенцов у большинства особей. В результате очень многие кладки, а также взрослые птицы и их птенцы гибнут от сенокосилок. На участках многолетних кормовых трав, где, как мы уже говорили, перепелов в начале лета бывает больше всего, положение усугубляется ещё и тем, что эти поля не только скашиваются, но и прочёсываются затем граблями. Кроме того, во время сенокошения легко обнаруживаются гнёзда, оставшиеся по той или иной причине целыми. Однако большинство их также пропадает либо из-за неосторожности людей, либо вследствие того, что напуганные птицы бросают свои кладки. Таким образом, сенокосные угодья являются в лесостепной зоне как бы ловушками для перепела: привлекая и концентрируя его весной, они становятся для него местом гибели во время покосов и уборки сена.

Судя по всему, перепела у нас ожидает та же участь, которая постигла коростеля в некоторых странах Европы, например в южной Англии и южной Финляндии. В связи с массовым применением сеноуборочных машин, а также общей тенденцией производить уборку сена в более ранние сроки, которые оказались совпадающими с периодом размножения коростеля, последний по существу был “выкошен” вместе с лугами (Norris 1947; Haartman 1958).

Перепела, у которых кладка пропала, переселяются на соседние, ещё не скошенные участки кормовых трав. Однако и оттуда они принуждены бывают уйти, так как эти поля вскоре тоже начинают коситься. Часть птиц переселяется на хлебные поля, но начинающаяся уборка хлебов опять не даёт им покоя. Перепела, с самого начала загнездившиеся в хлебах, находятся в несколько лучшем положении, поскольку уборка хлеба начинается после сенокоса. За это время хотя бы часть птиц успевает воспитать птенцов до лётного состояния. Однако таких птиц, по-видимому, меньшинство. Кроме того, и во время уборки хлебов под комбайн часто попадают даже взрослые самцы и самки, а тем более молодые перепелята, недавно поднявшиеся на крыло.

Лучшими, наиболее спокойными местами размножения перепела в лесостепной зоне следует признать молодые, не пропалываемые полезащитные полосы и примыкающие к ним поля с сельскохозяйственными культурами, характеризующимися ранними всходами и поздними сроками уборки. Сравнительно спокойно протекает размножение у перепелов, поселившихся на семенных участках многолетних кормовых трав, например, клевера, люцерны, а также на полях гороха и сои.

Вследствие частого разорения гнёзд многим перепелам приходится, видимо, не один раз приступать к откладке яиц. Сколько раз это доступно каждой самке, точно установить ещё не удалось. Для этого нужны специальные наблюдения за окольцованными птицами. Мелкие степные виды американских куропаток *Lophortyx*, у которых тоже наблюдается колоссальный отход яиц в период насиживания (Glading 1938), могут после разорения первого гнезда приступать ко второй и даже третьей кладке (Baerg,

Warren 1949). Судя по тому, что эти куропатки экологически близки к перепелам, можно предполагать, что и последние в условиях лесостепной и степной полос способны несколько раз возобновлять свои кладки. О вероятности такого предположения косвенным образом можно судить по очень сильной растянутости сроков размножения, явлению, чрезвычайно характерному для перепелов. Эта особенность биологии перепела была уже давно отмечена С.Т.Аксаковым (1852), писавшем, что “в течение двух месяцев всегда можно найти самых маленьких перепелят”.

Вообще говоря, позднее размножение части популяции перепелов принадлежит к числу явлений, причины которых недостаточно хорошо ещё выяснены. Представления о наличии у этого вида двух нормальных кладок в году (Мензбир 1895; Лавров, Наумов 1960) вряд ли справедливы и, во всяком случае, не могут считаться доказанными. Вряд ли также в природе возможно размножение молодых самок из ранних выводков в первое же лето их жизни, как это наблюдается в неволе у полуодомашненной японской расы перепела (Toschi 1959). Объяснение растянутости кладки у перепела неодновременностью созревания яичников у старых и молодых перепёлок (Ульянин 1941), несомненно, правильное, но, пожалуй, недостаточное для объяснения всего явления в целом. По-видимому, сроки размножения молодых самок, гнездящихся впервые, также могут быть неодинаковыми в зависимости от того, когда они в прошлом году появились на свет — в начале или в конце лета. У самок из ранних выводков естественно предполагать и более раннее развитие яичников. Таким образом, растянутость сроков размножения может быть следствием неодновременности гнездования отдельных птиц в предшествующие годы. Массовое же разорение гнёзд в период сенокощения, приводящее к возникновению более поздних дополнительных кладок, увеличивает разрыв между крайними сроками размножения и тем самым ещё больше усиливает картину растянутости явления. Там, где у перепела часто разоряются гнёзда, сроки его размножения, судя по всему, растянуты сильнее, а поздние выводки встречаются чаще.

В 1957-1959 гг. в районе Борисовки (Белгородская обл.) наиболее ранние выводки маленьких перепелов, совсем недавно поднявшихся на крыло (в возрасте около 10 дней), встречались уже в середине последней декады июня (24 июня 1959). В то же время молодые перепела весом в 67-68 г (при мерно 24 дней отроду) попадались нам ещё в сентябре (8 сентября 1958). Однако это далеко не предельные сроки нахождения запоздалых выводков. По сообщениям местных охотников, совсем маленьких, едва поднявшихся на крыло перепелят в Белгородской области иногда приходилось встречать даже в середине сентября. В литературе можно найти указания и на ещё более поздние сроки размножения перепелов в европейской части СССР. Так, А.Фуфрянским (1925) в районе ст. Синельниково была найдена самка перепела, насиживавшая кладку в 11 яиц 4 сентября, а кладка из 8 яиц была обнаружена Е.П.Спангенбергом в 1930 г. в Запорожской области ещё позднее — 10 сентября (цит. по: Карташов 1952). Судьба перепелят из поздних выводков нам недостаточно хорошо ещё известна. Естественно предполагать значительный отход перепелов, появившихся на свет осенью. Однако часть их, видимо, выживает, о чём можно судить по сообщению Е.П.Спангенберга (1948), отмечавшего в Крыму в конце массового пролёта перепелов

появление перелётной запоздалой молоди с низким весом (до 75 г).

В непосредственной связи с растянутым периодом размножения находится и общеизвестный чрезвычайно продолжительный период токования самцов перепела. Учитывая случаи неоднократных находок сильно запоздалых кладок, мы можем с вероятностью говорить о том, что позднее токование перепелов связано с их размножением. Самка, потерявшая кладку или выводок, если она ещё способна к спариванию, благодаря длительному периоду токования и половой активности самцов, может легко найти готового к размножению самца вплоть до середины и даже конца августа. Очень поздний ток перепелов в конце августа бывает, однако, не каждый год. В засушливые годы самцы прекращают кричать значительно раньше, нежели во влажные. В последних случаях вполне активное токование самцов в лесостепной полосе продолжается до середины последней декады августа. Так, в наиболее влажное за последнее десятилетие для всей лесостепной полосы европейской части СССР лето 1958 г. автор отметил полное прекращение токования перепелов лишь 25 августа. До этого вплоть до 24 августа перепела, державшиеся на полях Борисовского совхоза (Белгородская обл.) в посевах гороха и сои, токовали для столь позднего срока необычайно активно. Около 8 ч вечера (несколько раньше, чем в начале лета) здесь начинался настоящий ток. С одного места можно было одновременно слышать крик 8 самцов. Некоторые из них активно летели на манок. Отметим, что у обоих самцов, убитых на этом поле 21-23 августа, семенники оказались очень больших размеров ($1.5\text{-}1.7 \times 1.0\text{-}1.2$ см). На следующий же день большинство самцов отсюда улетело, а токование перепелов в районе Борисовки в этом году уже больше не отмечалось. Обследование территории с лягвой собакой показало, что они резко сократились в числе и на других полях.

Во время охоты, начиная с 26 августа вплоть до начала сентября обнаруживались лишь очень редкие выводки молодых перепелов, а также отдельные старые самцы и самки. Один из самцов, добытых 26 августа, держался у выводка и пытался отводить собаку от птенцов. Участие самца перепела в рождении выводка и насиживании яиц — явление крайне редкое, хотя и отмечавшееся в литературе (Житков, Бутурлин 1906). Отметим, что добытый нами 26 августа перепел, державшийся у выводка, имел довольно сильно развитые семенники (1.5×0.9 см); линька была совершенно не выражена — во всём оперении не было ни одного растущего пера. Между тем все остальные перепела, убитые в 20-х числах августа, линяли довольно интенсивно, у многих самцов росло не только мелкое контурное перо, но и крупное — 6-е, 7-е и 8-е маховые.

Внезапное падение численности перепелов, отмеченное нами в Борисовском районе в середине третьей декады августа, следует, по-видимому, объяснить массовой откочёвкой большинства местных самцов. Эти наблюдения интересно сопоставить с данными о сроках пролёта самцов и самок в более южных районах нашей страны, например на южном побережье Крыма (Спангенберг 1948) и в окрестностях Ташкента (Мекленбурцев 1959). Оба автора отмечают, что первые пролётные стаи перепелов состоят главным образом из старых самцов; молодые птицы и самки летят позднее.

Таким образом, период токования самцов в некоторые годы может продолжаться в течение всего времени их пребывания на местах размно-

жения — с начала прилёта вплоть до отлёта. Нельзя, конечно, утверждать, что перепела, токующие в каком-либо районе лесостепной полосы во второй половине августа, все принадлежат к местной популяции. Очень возможно, что у части самцов средней полосы осеннее передвижение к югу начинается раньше и что отдельные самцы могут в это время, делая более или менее продолжительные остановки, продолжать ещё токование. Тем не менее, у большинства особей, населяющих лесостепные районы, окончание периода их токования в некоторые годы, очевидно, всё же может совпадать с началом их осеннего перелёта.

С периодом токования перепелов, как известно, связан тридиционный в наших южных областях отлов токующих самцов с помощью сети и особого манка, так называемой “байки”. Эта своеобразная любительская охота на перепела (кстати, очень азартная) ещё достаточно распространена на Украине и на юге РСФСР. К сожалению, многие любители этого дела ловят перепелов отнюдь не с любительскими (для содержания в неволе), а в основном с промысловыми целями. Такую “охоту” следует признать вредной. Она значительно сокращает количество перепелов во время их пребывания в гнездовой области, так как производится, в связи с длительным периодом токования самцов, в течение почти трёх летних месяцев и бывает иногда достаточно истребительной.

Хотя борьба с сетевым ловом перепелов, по вполне понятным причинам, довольно трудна, необходимо всемерно её пресекать. С нашей точки зрения, она, как и осеннее истребление перепелов на путях пролёта, недостаточно хорошо контролируется.

Возможные мероприятия, которые следует осуществить в целях сохранения имеющихся ещё в СССР запасов перепелов, прежде всего должны выразиться в дополнительных ограничениях сроков охоты и норм отстрела и в усилении контроля со стороны местных охотничьих организаций. Хотя на необходимость этого уже неоднократно указывалось в литературе, мы тем не менее считаем не лишним сказать об этом ещё раз. Сроки охоты на перепела следует, по нашему мнению, сократить не только в районах его массового перелёта (Крым, Кавказ), но и в местах размножения. Как уже отмечалось выше, в лесостепных районах у очень многих перепелов, вследствие частого разорения их гнёзд, сроки размножения смещаются к концу лета, благодаря чему выводки нелётных птенцов встречаются регулярно ещё во второй половине августа. В связи с этим охоту на перепелов (как, впрочем, и на другую пернатую дичь) следует в этих районах открывать не раньше сентября. Благотворное влияние на численность перепела может оказаться полезащитное лесоразведение. Хороши также и примыкающие к полезащитным полосам семенные участки кормовых трав, гороха и сои, где плотность населения перепелов бывает обычно высокой и где они могут относительно спокойно выводить птенцов.

Необходимо также иметь представление о том, как протекает процесс размножения перепела в различных частях его ареала. Показателем успеха размножения может служить определённое соотношение молодых и старых птиц, а также самцов и самок, добываемых на осеннем перелёте. Положение будет угрожающим, если окажется, что старые птицы отстреливаются осенью в большем количестве, чем молодые. Поскольку половой и возраст-

ной состав стай перепелов изменяется в зависимости от срока перелёта (Спангенберг 1948; Мекленбурцев 1959), учёт добываемых птиц нужно, естественно, проводить в течение всего его периода. Подобного рода учёт, однако, не будет иметь особого смысла, если мы не будем знать района гнездования добываемых птиц. Поэтому подобный отстрел на путях перелёта должен обязательно сочетаться с массовым кольцеванием перепелов на местах их размножения. К сожалению, масштабы кольцевания перепелов до сих пор в нашей стране ещё весьма скромны (Шеварёва 1957). Охотничьим организациям следовало бы заинтересовать любителей сельского отлова перепелов и поставить дело так, чтобы использовать их опыт для кольцевания птиц. Естественно, что во избежание различных недоразумений, сам процесс кольцевания и выпуск окольцованных птиц надо производить в определённых местах и в присутствии ответственных лиц.

Литература

- Аксаков С.Т. 1852. *Записки ружейного охотника Оренбургской губернии*. М.
Житков Б.М., Бутурлин С.А. 1906. Материалы для орнитофауны Симбирской губернии // *Zap. РГО по общ. геогр.* 41, 2: 1-275.
Карташев Н.Н. 1952. Род перепелы // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 133-148.
Лавров Н.П., Наумов С.П. 1960. *Биология промысловых зверей и птиц СССР*. М.: 1-237.
Мекленбурцев Р.Н. 1959. Наблюдения по осеннему пролёту перепела (*Coturnic coturnix coturnix* L.) в окрестностях г. Ташкента // *Tr. Среднеаз. ун-та* 123: 13-27.
Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., 1: СХХII, 1-836.
Спангенберг Е.П. 1948. Об осеннем перелёте перепелов в Крыму // *Охрана природы* 4: 83-92.
Ульянин Н.С. 1941. Материалы к экологии перепела северного Казахстана // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* 6: 167-170.
Шеварёва Т.П. 1957. Сводная таблица о кольцевании птиц (за 1925-1954 гг.) // *Tr. Бюро кольцевания* 9: 5-45.
Фуфрянский А. 1925. Чрезвычайно поздняя кладка яиц перепёлкой // *Укр. охотник и рыболов* 9.
Baerg W., Warren L.O. 1949. The bobwhite quail in Arkansas // *Bull. Agr. Exp. Station Univ. Arkansas* 488.
Glading B. 1938. Studies on the nesting cycle of the California valley quail in 1937 // *California Fish and Game* 24: 318-340.
Haartman L., von. 1958. The decrease of the corn-crake (*Crex crex*) // *Soc. Sci. Fenn. Comment. Biol.* 17, 2: 1-29.
Norris C.A. 1947. Report on the distribution and status of the corn-crake. Part II // *Brit. Birds* 40, 1.
Toschi A. 1959. La Qaglia // *Suppl. Recarche. Zool. Appl. Caccia* 3, 1.

Питание птенцов мухоловки-белошайки *Ficedula albicollis* и мухоловки-пеструшки *F. hypoleuca* в условиях симбиотопии

А.Е.Иванов

Кафедра зоологии и экологии, Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 10 марта 2005

Два близкородственных вида мухоловок — белошайка *Ficedula albicollis* и пеструшка *F. hypoleuca* — весьма сходны по гнездовой биологии, что особенно заметно в местах из совместного обитания. Хотя их взаимоотношения в условиях симбиотопии представляют большой научный интерес, они до сих пор практически не исследованы. В частности, это касается состава корма птенцов этих двух видов мухоловок при гнездовании в одних и тех же местообитаниях.

Питание птенцов белошайки и пеструшки изучали в Савальском лесу Воронежской области (описание биотопов — см.: Иванов 2003) в 2002-2004 годах. Для получения проб птенцового корма использовали метод шейных лигатур (Мальчевский, Кадочников 1953). Пробы изымали у птенцов в парах гнёзд (белошайка—пеструшка), совпадавших по срокам и биотопическому расположению (рис. 1). Под наблюдением находилось 35 гнёзд двух видов. Собрано более 180 проб и 400 кормовых объектов. Определение насекомых вели до семейства. Затем рассчитывали долю беспозвоночных каждого семейства от общего числа пищевых объектов, принесённых родителями птенцам каждого вида, коэффициент сходства состава пищи, ширину трофических ниш по формуле Симпсона, коэффициент сходства питания по Жаккарду (Мегарран 1992), степень перекрывания ниш по формуле Пианки (Pianka 1973). Провели сравнительный анализ размеров всех собранных кормовых объектов.

В отношении трофических связей оба вида пёстрых мухоловок не являются узко специализированными. Как было показано нами в предыдущих работах (Иванов 2003, 2004), пища их птенцов весьма разнообразна. Для обоих видов наибольшее значение имеют представители отрядов Lepidoptera, Diptera, Coleoptera, Нутоптерга и Aranei.

В 2003 году в рационе птенцов пеструшки доминировали имаго перепончатокрылых, в основном муравьи Formicidae, а также имаго двукрылых, пауки, гусеницы (Noctuidae, Geometridae), имаго и личинки жуков. Рацион птенцов белошайки оказался несколько иным: на долю гусениц приходилось 63.1% (в основном Tortricidae), далее по числу экземпляров следовали личинки Homoptera (из сем Cercopidae) и имаго жуков. В корме белошайки личиночные формы насекомых составили 15%, пеструшки — 24%. Таким образом, питание птенцов белошайки и пеструшки в данном сезоне заметно различалось как по составу преобладающих отрядов беспозвоночных, так и по соотношению взрослых насекомых и их личинок. Существенно, что у двух видов мухоловок наблюдалось переключение на массовые корма. Од-

нако для каждого вида эти массовые корма оказались разными: у пеструшки — муравьи, а у белошайки — гусеницы листовёрток и личинки пенниц. Во время сбора корма для птенцов пеструшка более равномерно использовала ресурсы среды, нежели белошайка, и рацион её птенцов был более разнообразным. Питание птенцов белошайки отличался меньшим разнообразием, в нём особое значение имели гусеницы. Ширина трофической ниши (индекс Симпсона) у пеструшки составила 0.94, а у белошайки — 0.7. Индекс перекрывания трофических ниш был сравнительно малым — 0.188.

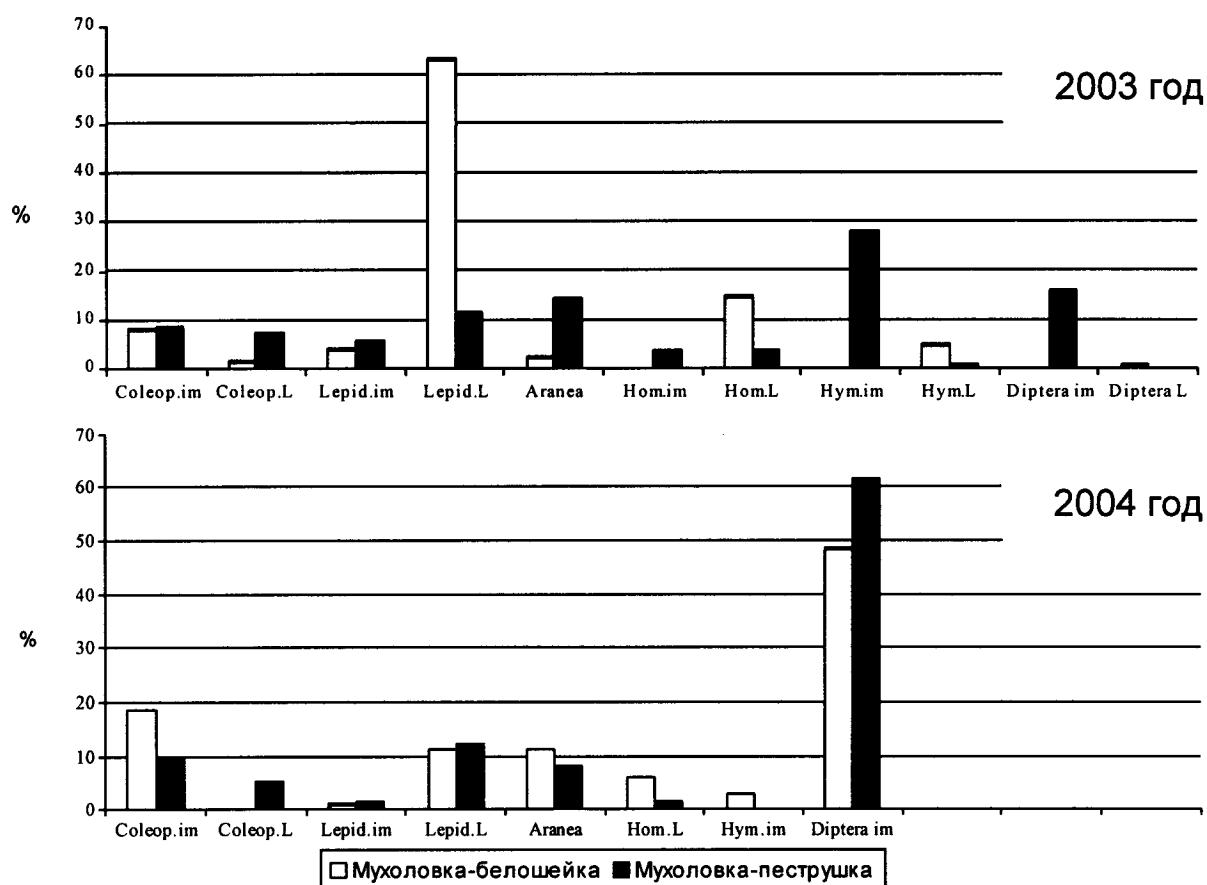

Рис. 1 Состав беспозвоночных животных в корме птенцов мухоловки-белошайки и мухоловки-пеструшки в сравниваемых гнездах в 2003-2004 гг.

В 2004 году картина выглядела несколько иначе: в пище птенцов пеструшки преобладали имаго двукрылых (в основном толкунчики Empididae), далее гусеницы, имаго жуков и пауки. Пища птенцов белошайки оказалась очень сходной: преобладали имаго двукрылых (Empididae), жуки, гусеницы и пауки. В обоих случаях самой обильной пищей птенцов были толкунчики, роящиеся часто невысоко над землёй и весьма доступные для мухоловок. Соотношение имагинальных и ларвальных форм в пище птенцов двух видов было сходным: у белошайки 83 и 17%, у пеструшки 81 и 19%. Обе кормили птенцов довольно разнообразной пищей с преобладанием взрослых насекомых. При этом ресурсы среды в 2004 г. взрослые птицы использовали более равномерно, чем в 2003 г. Об этом свидетельствует индекс ширины трофических ниш, величины которого у изучаемых видов в 2004 году были одинаковыми: 0.82 у пеструшки и 0.83 у белошайки.

Размеры кормовых объектов в корме птенцов белошайки и пеструшки в 2003-2004 гг.

Вид птицы	Длина кормовых объектов, мм								
	Имаго			Личинки			Все объекты		
	min	max	$M \pm m$	min	max	$M \pm m$	min	max	$M \pm m$
<i>F. albicollis</i>	2	16.5	7.38±3.46	4.5	22	9.55±4.26	2	22	7.76±3.46
<i>F. hypoleuca</i>	3.5	20	7.68±2.92	4	25.8	12.42±6.82	3.5	25.8	8.71±4.55

Индекс перекрывания трофических ниш (по питанию птенцов) у белошайки и пеструшки был высоким — 0.92. В 2003 г. сходство в питании птенцов двух видов было меньше, чем в 2004 г.: значение коэффициента Жаккара составило 0.29 против 0.37, соответственно. Таким образом, белошайка и пеструшка являлись потенциальными конкурентами в условиях Савальского леса. Однако, реальная конкуренция из-за корма, вероятнее всего, отсутствует или проявляется очень слабо. Объяснить такую ситуацию можно избытком пищевых ресурсов и некоторыми различиями в размерах используемых птицами кормов. Это подтверждается абсолютными размерами беспозвоночных (см. таблицу) и их частотным распределением, показанным на рисунке 4. Откуда следует, что в среднем пеструшки собирали для птенцов в Савальском лесу чуть более крупных беспозвоночных, чем белошайка. Пеструшки предпочитали жертвы из размерного класса 8-11 мм, затем 5-8 мм, а белошайка, наоборот, сначала 5-8 мм, затем 8-11 мм.

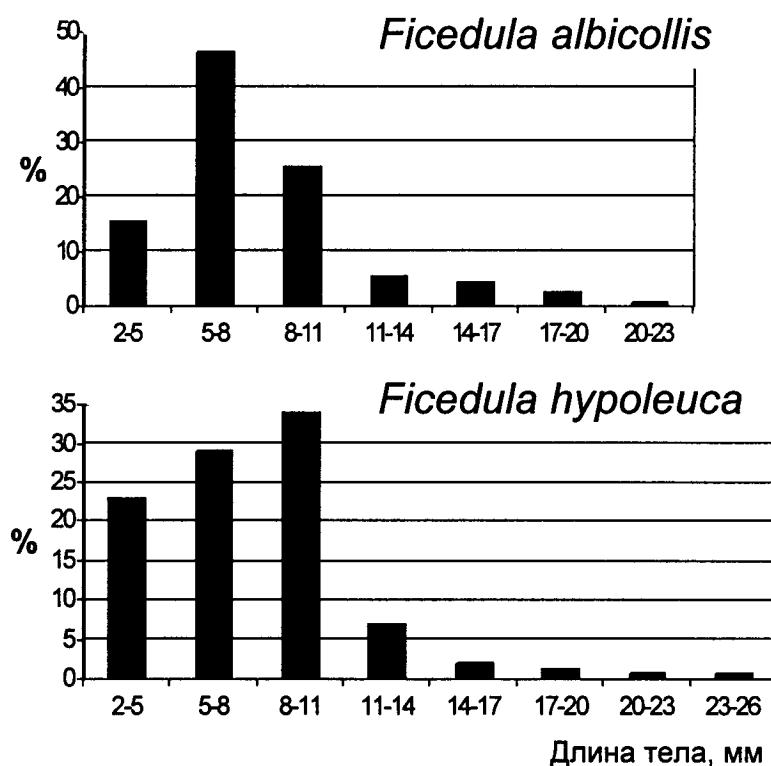

Рис. 4. Частотные распределения размеров беспозвоночных в корме птенцов белошайки и пеструшки. Савальский лес, 2003-2004 гг. ($n = 397$)

Таким образом, мухоловка-белошайка и мухоловка-пеструшка в условиях симбиотопии в Савальском лесу кормят птенцов представителями одних и тех же отрядов и даже семейств беспозвоночных. В случае массового лёта насекомых оба вида мухоловок переключаются на эти общие доступные виды корма. Значения индексов сходства состава пищи, ширины трофических ниш и их перекрывания свидетельствуют о значительном сходстве рационов птенцов обоих видов. Оба вида мухоловок выкармливают птенцов беспозвоночными сходных размеров, однако пеструшка предпочитает более крупные жертвы, чем белошайка. Несмотря на сходство в питании птенцов, между белошайкой и пеструшкой не наблюдается острой конкуренции за пищу в гнездовой сезон, что связано, по-видимому, с обилием кормовых ресурсов в это время.

Литература

- Иванов А.Е. 2003. Сравнительная экология мухоловки-белошайки и мухоловки-пеструшки в Савальском лесу Воронежской области // *Охрана растительного и животного мира Поволжья и сопредельных территорий*. Пенза: 280-283.
- Иванов А.Е. 2004. Экология близкородственных видов мухоловок рода *Ficedula* в местах их симбиотопии // *Рус. орнитол. журн.* 13 (251): 87-94.
- Мальчевский А.С., Кадочников Н.П. 1953. Методика прижизненного изучения питания гнездовых птенцов насекомоядных птиц // *Зоол. журн.* 32, 2: 277-282.
- Мэгарран Э. 1992. *Экологическое разнообразие и его измерение*. Москва: 1-181.
- Pianka E.R. 1973. The structure of lizard communities // *Ann. Rev. Ecol. Syst.* 4: 315-326.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 421-425

Результаты сравнения корма воробьиных птиц в разные по условиям годы

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
Набережная реки Мойки, д.48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 27 марта 2005

Хорошо известно, что на питании птиц отражаются все изменения в составе и обилии кормов в природе, как неблагоприятные, так и благоприятные. Соответствие требованиям среды — это необходимое условие нормального существования птиц. Оно выражается не только в очень тонком приспособлении ко всем изменениям состояния среды, но и в большом разнообразии указанных приспособлений. Состояние кормовой базы в каждом году, смена кормов по сезонам, неодинаковая степень доступности насекомых в разное время суток, зависимость кормовой базы от погодных условий, определённый состав пищи в каждом биотопе — всё это отражается

на питании птиц и является причиной того, что их кормовая пластичность имеет массу разнообразных проявлений.

Выявить последствия всех этих воздействий можно путём специальных наблюдений. Результаты некоторых из таких наблюдений мы уже опубликовали (Прокофьева 1970, 1990). В этих статьях речь идёт об особенностях питания в разных биотопах и о сезонных изменениях питания зимующих насекомоядных птиц. Что же касается настоящей статьи, то в ней мы рассматриваем зависимость питания птиц от состояния кормовой базы в разные годы.

Работа велась на юге Ленинградской области. Для того, чтобы проиллюстрировать делаемые в статье выводы, мы выбрали отрезок времени с 1955 по 1962 г. За это время под наблюдением было несколько десятков видов воробышковых птиц. У них мы собирали и проанализировали пищу, дававшуюся родителями птенцам, содержимое желудков погибших птенцов и состав взятых из гнёзд погадок, а также результаты некоторых наблюдений над взрослыми птицами, приносившими пищу в гнёзда. Все выводы, которые мы делаем в статье, основаны на материале, собранном при изучении питания птенцов.

Период гнездования характеризуется обилием кормов, но тем не менее всегда одних видов пищи бывает больше, а других меньше. Так, например, острый недостаток животной пищи ощущался в гнездовой сезон 1955 года, которому предшествовала холодная и затяжная весна, затормозившая нормальное развитие насекомых. В этой связи замещающим кормом иногда служила растительная пища. Её мы обнаружили в рационах птенцов зябликов *Fringilla coelebs*, лесных завиушек *Prunella modularis*, певчих дроздов *Turdus philomelos*, горихвосток *Phoenicurus phoenicurus*, славок-черноголовок *Sylvia atricapilla*, садовых славок *Sylvia borin*, домовых воробьёв *Passer domesticus* и крапивников *Troglodytes troglodytes*, т.е. 8 видов птиц. Если учесть, что в этот год мы изучали питание 17 видов птиц, то получается, что половина из них приносила птенцам растительную пищу. Особенно разнообразной последняя была в рационе зябликов. Мы изымали у их птенцов ягоды, толстые и тонкие хвоинки, кусочки лишайников и даже мелкие кусочки древесины. Черноголовые и садовые славки приносили птенцам плоды ягодной яблони *Malus baccata*, лесные завиушки — семена берёзы *Betula pendula*, ели *Picea abies* и других древесных растений, крапивники — тоже семена, но каких растений, нам определить не удалось, домовые воробы — зёрна пшеницы *Triticum aestivum*, горихвостки — вегетативные части травянистых растений. У птенцов же певчего дрозда мы один раз отобрали кусок водорослей, но так и не удалось определить, специально ли взрослые птицы их добыли или захватили случайно вместе с моллюском. Что касается лесных завиушек, то другие орнитологи тоже считают, что в условиях Ленинградской области эти птицы собирают в значительном количестве семена, если погода холодная и дождливая (Мальчевский, Пукинский 1983). Впрочем, установлено, что не только лесные завиушки, но и другие птицы легко переключаются с одного корма на другой, если в этом возникает необходимость (Мальчевский 1959).

В качестве другого примера можно привести использование лесными птицами представителей водной фауны. Добыча водных беспозвоночных в

лесу обычно носит случайный характер, но в дождливый 1962 год, когда деревья в лесу стояли в воде, птицы брали их хотя и не часто, но более или менее регулярно (табл. 1). Кстати, то же самое отмечали и другие исследователи (Покровская 1976). Как и в случае с использованием растительной пищи, оказалось, что водными беспозвоночными питалась половина тех птиц, что были под наблюдением, а именно, 8 видов из 15. Добычей птиц становились куколки ручейников *Trichoptera*, жуки-трясинники *Microcara testacea*, водолюбы *Sphaeridium bipustulatum*, плавунцы *Plybius* sp., *Agabus* sp., *Dytiscus latissimus* и другие представители рода *Dytiscus*. Из сказанного следует, что водная фауна поедается в основном тогда, когда наблюдается недостаток другой пищи (Прокофьева 1963), поскольку кормление наземными беспозвоночными в залитом водой лесу является сложным делом.

Таблица 1. Встречаемость водных беспозвоночных в корме разных птиц в 1962 г.

Виды птиц	Кол-во образцов корма	Кол-во экз. животного корма	Кол-во водных беспозвоночных	
			Абс.	%
<i>Erythacus rubecula</i>	66	173	18	10.4
<i>Saxicola rubetra</i>	35	65	4	6.2
<i>Turdus pilaris</i>	4	3*	1	33.3
<i>Muscicapa striata</i>	20	41	5	12.2
<i>Ficedula parva</i>	34	105	3	2.9
<i>Anthus pratensis</i>	34	94	5	5.3
<i>Lanius collurio</i>	37	88	2	2.2
<i>Emberiza citrinella</i>	33	37	2	5.4
Всего:	263	606	40	

* Примечание: один дождевой червь был расчленён на части и скормлен двум птенцам.

Таблица 2. Процент встреч садового хрущика *Phyllopertha horticola* в корме разных птиц в 1955 и 1961 гг.

Виды птиц	% встреч садового хрущика	
	в 1955	в 1961
<i>Lanius collurio</i>	15.1	6.7
<i>Sylvia borin</i>	4.2	—
<i>Sylvia atricapilla</i>	2.1	—
<i>Passer domesticus</i>	—	45.3
<i>Muscicapa striata</i>	—	4.1
<i>Turdus iliacus</i>	—	1.9

Наряду с этим изменения питания птиц по годам бывают связаны с колебаниями численности разных видов насекомых. В районе исследования изменения численности насекомых не принимают характера вспышек массового размножения, однако на питании птиц отражаются и менее существенные колебания. Так, например, питание некоторых птиц известным образом зависит от изменений численности очень обычного для наших краёв

садового хрущика *Phyllopertha horticola*, связанного своим местообитанием с кустарниками и травянистой растительностью. Этот жук отмечался во все годы наблюдений, но наиболее многочисленным он был в 1955 и 1961 гг. В эти годы часть птиц переходила от единичного добывания садовых хрущиков на массовое. Правда, число видов птиц, питавшихся этим кормом, было невелико, но зато некоторые из них добывали этих жуков в заметном количестве. Так, например, в 1955 г. на долю садовых хрущиков приходилось 15.1% пищи птенцов сорокопута-жульана *Lanius collurio*, а в 1961 г. эти жуки составляли 45.3% от всех принесённых птицами беспозвоночных в гнёздах домового воробья (табл. 2).

В 1956 и 1957 годах мы выясняли, как птицы относятся к гусеницам сосновой совки *Panolis flammea*, численность которых в эти годы была совершенно различной. Выбрали мы это насекомое потому, что оно является серьёзным вредителем сосновых лесов, да и не только сосновых, т.к. гусеницы этой совки питаются в наших условиях ещё и хвоёй ели, хотя обычно предпочитают всё же хвою сосны *Pinus sylvestris* (Ильинский 1962). Учёт гусениц в лесу и определение встречаемости их в корме птиц проводили на участке площадью около 10 га. Наблюдения вели в июне и начале июля, т.е. в период, предшествующий окукливанию этих гусениц, что дало нам массовый материал для сравнения их численности в разные годы.

Наблюдения показали, что хотя в условиях Ленинградской области вспышек массового размножения сосновой совки не бывает, заметные колебания численности этого вида всё же имеют место. Из двух указанных лет наибольшей численность была в 1956 г., когда гусениц сосновой совки мы обнаружили в корме птенцов 8 видов из 17, бывших под наблюдением (табл. 3). При этом оказалось, что, например, в корме птенцов славок-завирушек *Sylvia curruca* они составляли 25% от всех принесённых им объектов питания, а у пеночек-трещоток *Phylloscopus sibilatrix* — 14.9%. При осмотре соснового подроста высотой до 3 м на нём было обнаружено некоторое количество этих гусениц. Что же касается 1957 г., то тогда гусениц сосновой совки в корме птенцов почти не было. В течение июня они встретились всего лишь однажды в одном гнезде трещотки в числе 3 экземпляров при

Таблица 3. Встречаемость гусениц сосновой совки *Panolis flammea*
в корме разных птиц в 1956 г.

Виды птиц	Кол-во образцов корма	Кол-во экз. животного корма	Кол-во гусениц <i>P. flammea</i>	
			Абс.	%
<i>Sylvia curruca</i>	37	56	14	25.0
<i>Phylloscopus sibilatrix</i>	52	114	17	14.9
<i>Phylloscopus trochilus</i>	245	819	4	0.5
<i>Fringilla coelebs</i>	74	210 + тли	15	7.1
<i>Phoenicurus phoenicurus</i>	163	360	15	4.2
<i>Turdus philomelos</i>	172	375	3	0.8
<i>Ficedula hypoleuca</i>	35	81	2	2.5
<i>Muscicapa striata</i>	232	456	2	0.4
Всего:		2971 + тли	72	

наличии материала из гнёзд 12 видов. При этом специальные поиски этих гусениц на соснах были безрезультатными.

Из сказанного следует, что основываясь на пластичности питания птиц можно разработать метод оценки численности многих вредных насекомых, поскольку в случае возрастания численности эти насекомые начинают попадаться в корме всё большего числа птиц. Очень важно, что получать образцы корма от птенцов различных птиц совсем нетрудно. Мы полностью придерживаемся той точки зрения, которая имеется в литературе (Формозов 1950), согласно которой птицы, обладая большой подвижностью, прожорливостью, способностью быстро обнаруживать очаги вредителей и своевременно концентрироваться в них, представляют силу, которая легко “самомобилизуется” на подавление скоплений вредных насекомых.

Литература

- Ильинский А.И. 1962. *Определитель вредителей леса*. М.: 1-392.
- Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробышковых птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Покровская И.В. 1976. Об использовании в пищу водной фауны лесными воробышковыми птицами // *Бiol. внутр. вод: Информ. бюл.* 32: 40-43.
- Прокофьева И.В. 1963. О некоторых особенностях питания мелких лесных птиц // *Экология позвоночных животных Ленинградской области*. Л.: 33-56.
- Прокофьева И.В. 1970. О некоторых особенностях питания птиц в разных биотопах (по наблюдениям в Ленинградской области) // *22-е Герценовские чтения. Естествозн.* Л.: 114-117.
- Прокофьева И.В. 1990. Сезонные изменения питания зимующих насекомоядных птиц // *Материалы Всесоюз. науч.-метод. совещ. зоологов педвузов*. Махачкала, 2: 209-210.
- Формозов А.Н. 1950. О некоторых чертах биологии птиц в связи с вопросами охраны от вредителей лесов и лесопосадок // *Птицы и вредители леса / А.Н.Формозов, В.И.Оスマловская, К.Н.Благосклонов*. М.: 5-33.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 425-427

Экспансия зеленушки *Chloris chloris* в Западной Сибири

С.П. Миловидов

*Второе издание. Первая публикация в 1990**

В недалёком прошлом восточными пределами распространения зеленушки *Chloris chloris* в северо-восточной части ареала считались склоны Уральского хребта у Свердловска и в верховьях р. Туры. Для Западной Сибири она приводилась лишь как залётный вид. Большая часть встреч в этом регионе относится к осенне-зимнему периоду и, несомненно, связана с

* Миловидов С.П. 1990. Экспансия зеленушки в Западной Сибири // *Орнитология* 24: 153-154.

сезонными перемещениями этого вида. Летом 1975 г. зеленушка была найдена нами на гнездовье у Тюмени. Достаточно высокая численность позволила предположить более значительную экспансию зеленушки к востоку. В этом же году зеленушка была отмечена в Казахстанской части долины р. Урал, а позднее (1977 г.) зарегистрирована на гнездовье. Склонность зеленушки к широкому расселению также отмечалась в Предуралье, на Южном Урале и в Ростовской области. Наиболее вероятными путями проникновения зеленушки в Зауралье явились подтаёжные леса речных долин Туры и Пышмы, истоки которых находятся на Урале. Севернее, в подзоне южной тайги у Тобольска, весной и летом 1975 г. зеленушек не встречали.

Летом 1978 г. зеленушка найдена на гнездовье у Томска, в течение последних 9 лет отмечалось неуклонное увеличение её численности. С 1983-1985 гг. отдельные группы птиц стали встречаться и в пределах подтаёжной зоны других районов Томского Приобья. В июле 1978 г. зеленушки неоднократно встречались на севере Кемеровской области у Юрги и Тайги. В эти же годы Н.А.Козлов (1984) отмечал их в Новосибирске и его окрестностях.

У Томска и Тюмени зеленушка придерживается хорошо дренированной, пересечённой местности, где обитает по осветлённым участкам леса с куртинами тёмнохвойника. Реже встречается по окраинам травянистых сосновых боров и мелколиственных лесов. В период гнездования у Томска излюбленными местами являются окраинные зоны островных елово-пихтовых лесов и припосёлковых кедровников, где летом 1979 г. на 1 км² приходилось от 0.2 до 0.8 особи. В желудках 2 самцов, добытых 27 мая 1979 на окраине одного из кедровников, были раздавленные кедровые орешки (Миловидов 1983). Не избегает зеленушка лесопосадок вдоль железных дорог и городских территорий. В Томске летом (1980-1985) обилие в периферийной зоне города с индивидуальными постройками составило 0.3; в городских парках — 1-5; на кладбищах — 0.7-5; в общественных садах — 2-7; в лесопарках пригорода — 0.5-2 особи на 1 км². В послегнездовой период зеленушка встречалась на городских пустырях и в карьерах (0.02-0.03), а также по слабозалеченным участкам поймы Томи (0.01 ос./км²).

Весенний прилёт под Томском наблюдался 20 апреля 1980, 21 апреля 1981, 9 апреля 1982, 19 апреля 1983, 31 марта 1984, 30 марта 1985, 10 апреля 1986. Отлёт обычно заканчивается к середине октября, однако в 1982 г. одиночная птица встречена 21 февраля. В окрестностях Тюмени 1 апреля 1975 добыта зеленушка с хорошо заметным наседным пятном. У 2 самцов, добытых 27 мая 1979 под Томском, были достаточно развитые семенники. Гнездо, найденное 22 мая 1975 в Тюмени, располагалось на небольшой ёлочке центрального сквера и было хорошо укрыто у ствола на высоте 2 м. Диаметр гнезда 121×109, высота гнезда 32, диаметр лотка 76×66, глубина лотка 12 мм. Материал: разнотравье, мелкие корешки, вата, волос и перо голубя. Края гнезда покрыты валиком из помёта. В гнезде 3 птенца (2 живых и 1 мёртвый, но ещё не разложившийся) в возрасте 8-9 дней. В Томске на старом городском кладбище 20 мая 1985 найдено готовое пустое гнездо из зелёного мха, ваты, пера и мелких корешков. Располагалось оно на ёлочке на высоте 3.5 м. На соседней ёлочке находилось старое гнездо с валиком из помёта. Выходок из 5 хорошо летающих пёстрых молодых отмечен на одном из кладбищ Томска с 5 по 11 августа 1978. Выходок из 5 слабо пере-

пархивающих птенцов в Университетской роще — 20 июня 1983. В этом же году 2 выводка из 3 и 4 выпрашивающих корм у родителей молодых встречены 18 июня в пригородной зоне у общественных садов. Летом 1984-1985 зеленушки снова гнездились в двух центральных парках города, их гнёзда располагались на боковых ветвях старых елей в 10-12 м от земли.

Можно предположить, что расселение зеленушки на восток происходило вдоль Транссибирской магистрали по лесопосадкам, расположенным около железной дороги, и в переходной зоне от лесостепи к таёжным урманам, т.к. наиболее благоприятными местообитаниями для этого вида являются именно лесополевые ландшафты. Севернее располагаются сплошные массивы водораздельных болот и таёжных лесов, а южнее — в Барабе, Кулунде и Северном Казахстане, где проводились многолетние орнитологические наблюдения, зеленушка не отмечалась (Юрлов 1974а,б, 1977, 1981; Данилов, Михантьев 1976; Рябов 1982).

В настоящее время очень трудно детализировать распространение этого вида на территории всего обширного региона, так как большая часть Западной Сибири, в частности подтаёжная зона в пределах Омской и Новосибирской областей, ещё недостаточно изучена в орнитологическом отношении. Остаётся предположить, что общая численность зеленушки на осваиваемой ею территории ещё довольно низка, а распространение носит мозаичный характер. В окрестностях Томска в гнездовой период неоднократно встречали и небольшие группы бродячих птиц, что указывает на существование у данной популяции значительного резерва негнездящихся особей. Возможно, в недалёком будущем зеленушка станет одним из самых обычных обитателей культурных ландшафтов Западной Сибири.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 427-429

Случай помощничества у среднего дятла *Dendrocopos medius*

Г.Пасинелли

Перевод с немецкого. Первая публикация в 1993*

Дятлы считаются территориальными птицами, защищающими участок обитания в одиночку или парами в течение всего года (Short 1982). Единственными известными до сих пор исключениями являются живущие социальными группами желудёвый *Melanerpes formicivorus* и кокардовый *Picoides borealis* дятлы. У них наблюдается кооперативное гнездование с участием в выкармливании птенцов особей-помощников (Stacey, Koenig 1990). Стра-

* Pasinelli G. 1993. Nachweis eines Helfers bei einer Brut des Mittelspechts *Dendrocopos medius* // *Ornithol. Beob.* 90, 4: 303-304. Перевод с немецкого: В.И.Головань.

тегия помощничества может выбираться в условиях дефицита определённых ресурсов, например, половых партнёров, пищи, мест для гнездования (Brown 1987).

Среди центральноевропейских видов дятлов случай помощничества зарегистрирован лишь однажды у седого дятла *Picus canus* (Südbeck, Meinecke 1992). В данном случае третьей птицей, помогавшей гнездовой паре кормить птенцов, была самка. Этот случай, по-видимому, связан со спецификой экологии изолированной популяции на границе ареала вида. Решающим фактором в данном случае названо отсутствие партнёра.

Основным местом обитания среднего, или вертлявого дятла *Dendrocopos medius* в Швейцарии является массив старого дубово-букового леса на севере кантона Цюрих ($47^{\circ}37'$ с.ш., $8^{\circ}37'$ в.д.). В этом лесу площадью 10 км² обитает примерно 40 пар вертлявых дятлов. На небольшом участке с плотностью деревьев около 140 стволов на 1 га я наблюдал утром 8 июня 1993 помощника у гнездового дупла вертлявого дятла. Дупло было устроено в гнилой древесине ствола дуба *Quercus* sp. в 15 м от земли. По моему мнению, это было повторное размножение, так как я регулярно встречал самца из этой пары, окольцованного цветными кольцами (самка не окольцована), в первые три недели мая у другого дупла, расположенного невдалеке. Этот самец успешно гнездился на этой же территории уже в 1992 г., правда, с другой партнёршей.

Первым свидетельством присутствия третьей особи у гнезда с птенцами было то, что птицы придерживались разных маршрутов подлёта и отлёта от гнезда. Меченый самец всегда использовал просеку, в то время как неокольцованная птица улетала в противоположном направлении. Далее, у вертлявого дятла в кормлении птенцов в равной мере участвуют оба партнёра, если рассматривать весь период выкармливания в целом (Pasinelli 1992). В данном же случае у меня сложилось впечатление, что “неокольцованная птица” приносila корм птенцам значительно чаще, чем окольцованный самец. Количество прилётов было следующим: с 8 ч 20 мин до 10 ч 00 мин самец появлялся 19 раз, “неокольцованная птица” — 46 раз. При следующем подсчёте картина оставалась прежней: с 11 ч 40 мин до 13 ч 10 мин самец покормил 16 раз, “птица без кольца” — 41. Окончательно убедиться в присутствии третьей птицы помогло следующее наблюдение. Сначала прилетела неокольцованная особь и покормила птенцов. Почти сразу за ней с другой стороны появилась вторая неокольцованная птица и села на соседний с гнездовым деревом дуб. Там она дождалась, пока вылетит первая птица, и сама залезла в дупло кормить птенцов. В результате у гнезда удалось наблюдать двух неокольцованных дятлов одновременно. По заметно более яркому красному цвету шапочки можно сказать, что третья особь была самцом. Между ним и самкой пары никакой агрессии не отмечено. При одновременном появлении двух самцов (хозяина и помощника) второй всегда отлетал.

Из данного гнезда вылетели 4 слётка, что приблизительно соответствовало успеху размножения у других пар этой местности в этот год.

Представленное наблюдение — первое свидетельство наличия помощничества у среднего дятла. В данном случае появление помощника трудно объяснить недостатком пищи или мест для гнездования, скорее можно

предположить, что, как и в случае с седым дятлом, у птицы, ставшей помощником, отсутствовал партнёр.

О происхождении помощника у среднего дятла ничего неизвестно. У видов птиц с коммунальным гнездованием различают первичных и вторичных помощников. В первом случае речь идёт о прямых потомках гнездящихся птиц, а во втором между хозяевами и помощниками нет близких родственных связей (Stacey, Koenig 1990). В обоих случаях помощничество рассматривается как стратегия, повышающая индивидуальную приспособленность особи-помощника. В случае первичных помощников — это помочь родичам. В случае вторичных помощников — повышение шансов на собственное успешное размножение в следующем сезоне.

Применительно к данному случаю нельзя сказать, какая из этих стратегий использовалась помощником. И вопрос прежде всего касается этиологической проблемы — какие механизмы лежат в основе подавления агрессии между особями одного пола. В течение трёх лет исследований мне ещё не приходилось наблюдать у вертлявого дятла столь близкого мирного контакта птиц одного пола.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 287: 429-431

О редких птицах дельты Селенги

И.И.Тупицын, И.В.Фефелов

Второе издание. Первая публикация в 1995*

В результате активного процесса динамики орнитофауны Прибайкалья многие его детали остались не отражёнными в публикациях, характеризующих видовой состав и характер пребывания птиц в дельте Селенги (Швецов, Швецова 1967; Гагина 1988), что требует новых дополнений. Основой данной публикации послужили материалы, собранные в 1986-1992 годах в ходе стационарных работ орнитологов лаборатории экологии наземных животных Научно-исследовательского института биологии при Иркутском университете. Наблюдения проводились в дельте реки Селенги и на прилегающих территориях (с. Посольск).

Gavia arctica. 29 мая 1989 гнездо чернозобой гагары с 2 ненасижденными яйцами найдено в нижней части дельты (оз. Карабазное). Кроме того, встречены ещё 2 пары с гнездовым поведением.

Ciconia nigra. В течение мая-августа 1988-1991 в нижней части дельты неоднократно отмечались группы до 4 птиц и одиночные, явно не гнездящиеся чёрные аисты.

* Тупицын И.И., Фефелов И.В. 1995. Новая информация о редких птицах дельты р. Селенги //Эколого-географическая характеристика зооценозов Прибайкалья. Иркутск: 108-111.

Clangula hyemalis. Молодая морянка обнаружена 20 октября 1991 в трофеях охотников.

Hiera aetus pennatus. 20 мая 1990 встречен орёл-карлик тёмной морфы, а 8 июня 1990 — ещё одна птица, светлой морфы.

Pernis ptilorhynchus. 30 мая и 11 июня 1988 зарегистрировано по одной особи в районе с. Посольск, а 16 июня 1988 — группа из 4 хохлатых осоедов в средней части дельты.

Buteo hemilasius. По одной особи мохноногого курганника отмечено 9 сентября 1987 в с. Посольск и 12 сентября у с. Шигаево.

Anthropoides virgo. 6 июня 1991 наблюдалась группа из 6 красавок в нижней части дельты.

Pluvialis squatarola, *Xenus cinereus*, *Heteroscelus brevipes*, *Phalaropus lobatus*, *Calidris acuminata*, *C. alba*, *Limicola falcinellus*, *Numenius minutus*. Эти кулики регулярно, но в небольшом числе встречаются на послегнездовых кочёвках и осеннем пролёте (*Pluvialis squatarola* и *Heteroscelus brevipes* — также и весной). Тушки *Limicola falcinellus*, *Phalaropus lobatus* и *Numenius minutus*, добытых в дельте Селенги, имеются в коллекции Селенгинской биостанции НИИ биологии.

Stercorarius pomarinus. 17 июля 1989 взрослый средний поморник наблюдался в нижней части дельты. К тому же виду, вероятно, принадлежал и молодой поморник, встреченный в районе Посольска 12 сентября 1987.

Larus genei. 15 июня 1989 взрослый самец морского голубка добыт на колонии озёрных чаек *Larus ridibundus* в дельте. Ранее на Байкале этот вид не регистрировался.

Columba oenas. В 1987-1991 годах одиночные клинтухи и пары неоднократно отмечены в районе сёл Посольск, Истомино, Шигаево. Большая часть встреч приходилась на апрель-май (самая ранняя — 7 апреля 1989); кроме того, в Посольске мы наблюдали одну взрослую особь 13 сентября 1987 и стаю из 5 птиц 8 сентября 1989.

Motacilla personata. Одна маскированная трясогузка встречена в Посольске 27 апреля 1987 в период массовой миграции белой трясогузки *Motacilla alba*.

Anthus spinolella. Немногочисленные пролётные горные коньки ежегодно отмечаются на пролёте в течение мая и сентября. В коллекции Селенгинской биостанции есть тушка молодой птицы этого вида, добытой в сентябре.

Turdus viscivorus. Поющий самец дерябы встречен нами 4 мая 1988 в окрестностях Посольска (птицу удалось хорошо рассмотреть).

Phylloscopus trochilus. Поющий самец веснички зарегистрирован в Посольске 11 мая 1988. Правильность определения подтверждена сравнением с записью песни этого вида на пластинке из серии “Голоса птиц СССР”.

Acrocephalus agricola. 2 июля 1989 добыт самец индийской камышевки в тростниках нижней части дельты. Тушка хранится в коллекции Селенгинской биостанции. Вид отмечается в дельте Селенги впервые.

Acrocephalus schoenobaenus. Самец барсучка добыт в дельте 6 июля 1992. Тушка находится в коллекции Иркутского университета. Вид отмечается в дельте Селенги впервые.

Fringilla coelebs. Самец зарегистрирован в Посольске 5 мая 1987, а с 9 по 12 мая 1988 там же мы наблюдали 3 самцов и 1 самку зяблика, которые держались в стае юрков *Fringilla montifringilla*, но несколько обособленно от последних.

Sturnus cineraceus. 13 мая 1987 один серый скворец встречен около Посольска.

В заключение следует остановиться ещё на трёх видах, которые ранее были охарактеризованы как гнездящиеся в дельте Селенги (Швецов, Швецова 1967). В настоящее время азиатский бекас *Gallinago stenura* здесь явно не гнездится, являясь очень редким на весеннем пролёте и обычным — осенью. Жёлтая трясогузка *Motacilla flava* немногочисленна и также встречается лишь на пролёте. Все указания на гнездование в дельте пегого луня *Circus melanoleucos*, вероятно, основаны на ошибках в определении; в последнее десятилетие встречи этого вида здесь не зарегистрированы.

Литература

- Гагина Т.Н. 1988. Список птиц бассейна озера Байкал // Экология наземных позвоночных Восточной Сибири. Иркутск: 85-123.
Швецов Ю.Г., Швецова И.В. 1967. Птицы дельты Селенги // Изв. Иркут. сель.-хоз. ин-та 25: 224-231.

